

ТРАНСАКЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Д.П. Фролов, Д.А. Шелестова

Модернизация хозяйственной системы современной России и ее выход на траекторию конкурентоспособного, устойчивого и безопасного развития связываются прежде всего с активизацией инновационных процессов. Фактически происходит даже *гипертрофия статуса инноваций в отечественной экономике*, проявившаяся, например, в словах первого вице-премьера Правительства РФ С. Иванова (апрель 2007 г.): «...органы власти могут не только поощрять предприятия за инновации, но и в определенных случаях наказывать за уклонение от них, наказывать финансово»¹.

Тем самым деятельность фирм-консерваторов по сути приравнивается к оппортунизму в отношении государственных интересов. Это явно противоречит базовым принципам эволюционной экономической теории, согласно которым развитие хозяйственных систем «объективно обусловлено сосуществованием в одной и той же экономике эволюционных (читай: инновационных. – Авт.) и консервативных процессов и адекватных действующих лиц»². Ведь все хозяйственные субъекты не могут быть новаторами.

Более того, как доказывают Л. Фаэй и Р. Рэнделл, «можно вполне обоснованно утверждать: большинство новых участников рынка используют разновидности стратегий конкурентов, а не разрабатывают по-настоящему инновационные предложения»³. По мнению Дж. Траута и С. Ривкина, в своей основной массе рыночные «инновации не имеют ничего общего с гениальностью»⁴, представляя собой скопированные и модифицированные чужие идеи и уже реализованные решения. Поэтому, на взгляд С. Зимана, подход к формированию экономической стратегии,

делающий особый упор на инновации, «характеризуется уклонением от решения наиболее проблем бизнеса, и действительные его последствия следовало бы назвать крайне опасными»⁵ для хозяйственных систем любого масштаба.

Тем не менее в соответствии с «социальным заказом» активно расширяется пространство отечественных научных работ и переводов, посвященных природе и специфике инноваций, их месту и роли в воспроизводственном процессе, инновационным отношениям и технологиям, проблемам и направлениям формирования соответствующей инфраструктуры, приоритетам и перспективам создания в России инновационной экономики и т. п.⁶ Осмысливаются суть и взаимосвязь категорий «инновация», «новация», «новшество», «рутина» и др.⁷ Изучаются прикладные аспекты эффективного задеирования новаций в бизнес-процессах современных фирм, их воздействия на стратегическое развитие хозяйственных субъектов, смены поколений продукто-вых и процессных новаций и т. д.⁸

Однако системность экономического изучения инновации обеспечена все еще очень слабо, что порождает дискуссии по поводу трактовки как самой этой категории, так и неразрывно связанных с ней понятий.

В результате под инновацией как экономической категорией в одной из последних теоретических работ (2006 г.) понимают и «результат стадии создания» нового, который «обычно проявляется в виде продукта или процесса», и «новшество, способное удовлетворять рыночный спрос», и «фактор производственного процесса», и «эффект вследствие использования нововведений»⁹. Инновация в таком

представлении есть нечто, не имеющее четкой границы, а потому аморфное. С другой стороны, некоторые западные теоретики безапелляционно утверждают, что «инновация – это процесс трансформации затрат в выпуск в целях генерирования продукции, характеризующейся более высоким качеством и более низкими издержками, чем прежде»¹⁰, акцентируя исключительно изменения в производимом продукте, но абстрагируясь от новых элементов производящих его сил – эндогенных факторов производства, которые скрываются за понятием «затраты». При этом сфера анализа инновационной деятельности явно или неявно ограничивается технологическими процессами и продуктами, игнорируя изменения «идей и... потребностей... органов и организаций, норм и институтов, информации и ресурсов»¹¹.

Отсутствие методологической системности – «ахиллесова пята» и многих зарубежных исследователей, на которых «равняются» отечественные ученые. Например, инновацию применительно к микроуровню экономики некоторые западные «гуру» трактуют как «использование существующих материальных активов и ключевых компетенций в процессе реализации принципиально новых направлений деятельности компании»¹². Но разве кроме материалов и способностей в жизни компании ничего не меняется? Это ли называется «продвинутым» подходом к инновациям?

Поскольку инновационная деятельность представляет собой «системный процесс в экономике»¹³, исследоваться она должна тоже системно.

Методологические основы системного анализа инновационных процессов в хозяйственной системе заложены в пионерной статье О.В. Иншакова (2001 г.) и сформулированы в его совместной работе с Е.А. Степочкиной (2003 г.), а впоследствии развиты во вводной главе коллективной монографии «Встреча с простотой» (2006 г.)¹⁴. Суть их можно свести к следующему:

1. «Рутинизация и новация представляют собой социальные формы структуры жиз-

недеятельности людей, или формы ее организации»¹⁵, которые «объединяет институциональная природа, выраженная во всеобщей социальной форме субъектно-объектного закрепления функций рутинерства и новаторства в системах воспроизводства любого уровня»¹⁶.

2. «Если рутина осуществляет задачу приобретенного потенциала между поколениями произведенных продуктов, то новация создает нечто новое в каждом поколении факторов и продуктов, что отличает его от предыдущего. Действуя совместно, рутина и новация создают новые генерации факторов и продуктов, сохраняя и накапливая производственный и потребительский «опыт» общества, опираясь на него в движении к новым комбинациям и мерам его бытия»¹⁷.

3. «Постоянный взаимопереход рутины и новации обусловлен их неразрывностью и противоположностью в диалектическом единстве общего движения. На практике это приводит к постоянному и одновременному осуществлению процессов рутинизации и новации (читай: инновации. – Авт.) как некоей внутренней пульсации, посредством которой реализуется организационно, институционально и информационно эволюция общественной жизнедеятельности»¹⁸.

4. «Направления процессов новации (читай: инновации. – Авт.) и рутинизации диалектически противоположны, поскольку они встречно направлены, но имеют общий источник и объект – производство, выполняют взаимосвязанные функции эффективного взаимодействия со средой и гомеостазиса хозяйственной системы»¹⁹.

5. «...рутина и новация охватывают изменение всех факторов производства. Рутинизации подвержены не только организационные процессы и формы, но также институты, формы и функции субъектов, техника и технологии, использование природных условий и компонентов, информация. То же касается и новаций»²⁰, точнее, инноваций.

Приведенные общие методологические положения позволяют сделать следующие рассуждения.

Во-первых, некорректно широко распространенное отождествление понятий «новация» и «инновация». Новация есть объективированное новое, то есть новое как нечто данное, а инновация – процесс его воплощения в реальность (нововведение), применительно к экономическим системам – процесс «введения (новаций. – Авт.) в хозяйственный оборот»²¹. Новацию следует понимать именно как «нечто относительно новое в воспроизводственных процессах»²², трактуя инновацию как «согласованную замену существующего, устаревшего, недействующего, несоответствующего потребностям нового этапа развития»²³. В свою очередь, рутина есть объективированное привычное или массовое, а рутинизация – процесс метаморфоза (превращения) новации в рутину.

Новацию и инновацию недопустимо рассматривать в отрыве от рутины и рутинизации, ведь новация как таковая обществу не столь важна, как новация, ставшая частью повседневной жизни и элементом хозяйственного механизма, вошедшая в обиход и даже трудно идентифицируемая. Абсолютизация роли новаций, характерная для теории инновационной экономики²⁴, как и рутин (эволюционная экономическая теория)²⁵, непродуктивна и отражает слабое понимание диалектики отношений этих явлений.

Во-вторых, следует скорректировать положение (1) и признать первичной институциональную, а не организационную природу рассматриваемых явлений. *Рутин* и *новация* – особые диалектически противоположные институты, то есть социальные формы функций субъектов и объектов человеческой деятельности. Эти функции и соответствующие им статусы возникают в ходе общественных отношений, значит, закрепляются обществом. Они не связаны со свойствами самих субъектов или объектов человеческой деятельности: именно поэтому новация для одного хозяйственного субъекта часто является рутиной для другого. Как новация, так и рутина – «это не свойство, изначально присущее объекту исследования, а отношение»²⁶. Будучи специфичес-

кими институтами обеспечения гомеостазиса хозяйственных систем, рутина есть социальная форма «функции повторения и сохранения неизменными параметров деятельности»²⁷, а новация – «функции поиска новых и изменения старых параметров деятельности»²⁸.

Субъектные формы данных институций – *новаторство* и *рутинерство*, выступающие социальными формами «закрепленных и постоянно воспроизводящихся функций субъектов общества»²⁹, рутинеров и новаторов. Объектной (продуктной, предметной и т. п.) институциональной формой новации является *новшество*. Заметим, что структура этих слов включает формант «-ство», исторически закрепившийся в русском языке для использования при обозначении институций³⁰. Однако аналогичная лингвистическая форма для наименования рутины в русском языке отсутствует, что не отменяет ее институциональной природы, ведь «фиксация следования обычности характеризует рутину как устойчивую социальную форму функции, или институциональную форму, близкую традиции»³¹, но не тождественную ей.

В контексте экономической генетики «рутина и новация – институциональные формы социального закрепления функций, устойчиво связанные с определенными субъектами и объектами в хозяйственных организациях различного уровня»³². Институциональность рутин и новаций означает определенность их статуса в производственных, бытовых и других хозяйственных процессах: в первом случае (рутина) как соответствия норме или стандарту, а во втором (новация) – как отклонения от нормы, то есть аномалии.

Следует признать, что новации по своему влиянию на хозяйственную систему могут быть как позитивными, так и негативными. Основное внимание исследователи традиционно уделяют первому классу новаций, акцентируя продуктивные, эффективные и перспективные изменения в процессах, методах, средствах и результатах человеческой деятельности, привлекая внимание к различным «эпо-

хальным» нововведениям, которые «меняют лидирующие страны и цивилизации, создают фундамент для повышения эффективности воспроизводства и качества жизни»³³.

Но не менее, а возможно, и гораздо более распространенными являются новации другого класса, представляющие собой неэффективные, слабо обоснованные, тормозящие, несогласованные, иррациональные изменения. Их можно легко увидеть в плохих бизнес-планах, внутренне противоречивых законопроектах, импульсивных кадровых и технологических решениях, случайных необдуманных действиях, ошибочных версиях и гипотезах и т. д. Негативные новации часто осуществляются в русле стратегии оппортунистического поведения и в поле теневой экономики. Такие новации тоже имеют шансы быть рутинизированными, приводя к закреплению неэффективного равновесия в хозяйственных системах разного уровня и снижая эффективность их функционирования. С другой стороны, негативные новации являются «питательной средой» новаций позитивных, реально развивающих действующие нормы, стандарты и стереотипы, раздвигающих их границы и укореняющихся в «фундаменте эволюции общественного бытия»³⁴. Продуктивные и эффективные новации рождаются из, словами А.С. Пушкина, «ошибок трудных», отсеиваемых в ходе экономического отбора. В любом случае, *инновационная деятельность всегда предполагает девиантное поведение ее субъектов*, неизбежно и креативно отклоняющихся от общепринятых норм и представлений. Без таких девиаций не может быть прогресса общества.

Согласно положению (5), новация и рутина, равно как инновация и рутинизация, связаны с изменениями и укоренением их результатов во всех факторах производства, включая транзакционные («нематериальные») – институциональный, организационный и информационный, являющиеся наименее изученными, но все более важными элементами хозяйственной деятельности в эпоху глобализации.

Вообще говоря, *факторные инновации* еще не стали в России объектом специального исследования, несмотря на осуществленные теоретические продвижения в рамках экономической генетики³⁵, поскольку отечественные ученые некритически скопировали из зарубежной экономической науки и активно воспроизводят примитивную бинарную классификацию инноваций на продуктовые и процессные³⁶. Но если с новыми продуктами многое (хотя и не все) очевидно, то любые хозяйственные процессы, в том числе бизнес-процессы фирмы, выступают динамичными комбинациями эндогенных производственных факторов. Почему же изменения самих этих факторов не попадают в фокус внимания экономистов, точнее, «выпадают» из классификации инноваций?

6. Применение к исследованию инноваций транзакционного подхода, объединяющего специфические, но взаимосвязанные институциональный, организационный и информационный аспекты познания этого сложного феномена, является явно недостаточным. При осмыслении «нетехнологической» стороны инновационных процессов исследователи в основном акцентируют его институциональный компонент³⁷, а также рассматривают возникающие транзакционные издержки³⁸. Но этого не хватает для всестороннего осмысления транзакционно-экономической стороны инноваций и транзакционных новаций как особого феномена хозяйства.

Поэтому в исследовании инновационных процессов следует усилить использование достижений эволюционной экономики, одним из ключевых положений которой является признание «социального включения (embedding) процесса диффузии»³⁹ инноваций. П. Кларк считает, что «инновации – это наборы идей, имеющие как технологические, так и организационные измерения, включенные в четкое социокультурное окружение»⁴⁰. Приняв данный тезис, трудно признать, что институциональные, организационные и информационные аспекты инновационной деятельности являются малозначимыми.

Именно им было уделено существенное внимание в самом первом выпуске журнала «Journal of Evolutionary Economics» (1991 г.), что характеризует высокое значение, придаваемое транзакционным факторам инноваций представителями этого динамично развивающегося научного направления.

Изучение взаимоперехода рутины и новации в транзакционном аспекте предполагает два взаимосвязанных направления исследований:

- осмысление возникновения и закрепления изменений транзакционных факторов, то есть анализ и синтез институциональных, организационных и информационных инноваций и рутинизаций;
- раскрытие транзакционных факторов инновационного процесса (в широком смысле) как многоэтапного превращения новации в рутину.

И то, и другое важно для теории и практики. Но в обоих случаях требуются серьезные методологические продвижения, без которых транзакционный анализ неизбежно станет поверхностным. Прежде всего необходимо четко зафиксировать логику взаимосвязи и границы рассматриваемых категорий во избежание путаницы и иррационального усложнения.

В соответствии с подходом экономической генетики исходным транзакционным фактором любой конкретной человеческой деятельности является институция. Сделаем попытку ответить на принципиальный вопрос: все же, *институция и инновация – «понятия несовместные»?*

В современной экономической науке институциональный подход хотя и неявно, но достаточно отчетливо противопоставляется инновационному. С одной стороны, само понятие «общественный институт» содержательно раскрывают как совокупность традиций, обычаев, верований или общепризнанных привычек, а с другой – полагают в качестве однопорядкового с ними явления⁴¹. Но во всяком случае институты чаще в научных концепциях противопоставляются инновациям, чем рассматриваются во взаимодействии с ними. Мож-

но даже встретить утверждение, что «процессы трансформации в экономиках переходного типа затрагивают не только инновационную, но и институциональную сферу»⁴², из чего следует, что эти сферы понимаются как непересекающиеся.

При этом институции, которые в экономической науке современной России повсеместно отождествляют с институтами, продолжают восприниматься не как эндогенные факторы инновационной деятельности, а как ее условия. Такую точку зрения еще в своей Нобелевской лекции 1971 г. озвучил С. Кузнец: «...когда нововведение представляет собой адаптацию известной технологии в новой стране, результат может быть не вполне предсказуемым, поскольку представляет собой комбинацию известного – технологии с неизвестным – институциональными и идеологическими системами»⁴³. Однако современные ученые обоснованно считают, что «эндогенизация институтов (институций. – Авт.) критически важна для современной исследовательской программы новой институциональной экономической теории»⁴⁴. Признание институций эндогенным фактором человеческой деятельности наравне с человеческим, техническим, материальным, организационным и информационным факторами – один из исходных пунктов теории экономической генетики⁴⁵.

Фактически в научном сообществе сложилось представление, что головы институционалистов как бы повернуты назад, в прошлое, а используемая ими методология базируется на ключевом принципе «path dependence», зависимости от пройденного пути развития. Представителям институционализма латентно приписывается склонность к консерватизму и ревивализму (revivalism), то есть к сохранению эволюционно сложившейся институциональной системы и даже возрождению старых традиций, обычаев, норм и т. п.

Но насколько адекватен реальности этот стереотип? Действительно ли институционализм настолько близок к традиционализму? Противостоит ли он по своей сути инновационному подходу?

Прежде всего следует признать ущербной и излишне узкой трактовку институции (в русском языке исторически закрепилось в качестве синонима понятие «институт») как традиции. Это чистой воды софизм и результат слабого использования современными экономистами диалектического метода. Также общим местом стало отождествление содержания институций с внешними, производными и даже превращенными формами их проявления – нормами и правилами, обычаями и стандартами, образом мыслей и ритуалами, процедурами и кодексами и т. п.

Целесообразно переосмыслить институцию как социальную форму функции субъектов и объектов деятельности, дающую им определенный статус, являющийся основой их интеграции и дифференциации⁴⁶. Институции выступают основой возникающих норм и создаваемых правил, которые определяют действия экономических агентов, социально фиксируя «те границы, за которые не должно переходить отклонение, и создают силы, противодействующие этим отклонениям»⁴⁷. Но по своему содержанию институции – это не нормы и не правила. Институциональные нормы представляют собой наиболее типичные, массовые, регулярные, распространенные, ожидаемые формы определенных осуществляемой институцией действий акторов и их результатов. Такие нормы существуют не вообще, а лишь относительно конкретных институций с их агентами-«носителями». В свою очередь, правила (правовые нормы) представляют собой производную юридическую форму институциональных норм, поэтому явно или неявно учитывают их как объективно сложившуюся меру параметров различных институций⁴⁸.

В институциональном смысле традиция есть процесс передачи институций и их атрибутов (статусов и знаний, норм и правил, процедур и технологий, навыков и методов, ценностей и преданий, святынь и реликвий и др.) от поколения к поколению акторов. Многократно переданные между поколениями, они в обыденной речевой практике начинают тоже именоваться

традициями, чем и определяется «размытость» этого понятия. Конечно, содержание традиции не исчерпывается институциональными элементами, она гораздо шире, поскольку от одной генерации (поколения) акторов к другой передаются и другие факторные компоненты общественного богатства – приемы и «методы делания дел»⁴⁹, технологии и формы организации взаимодействий, информация и материалы, ресурсы и т. д. Как особый механизм развития хозяйственных систем, «традиция характеризует связь настоящего с прошлым» через «эволюционное сохранение и накопление рутин»⁵⁰, формирующих «фундамент для настоящего и будущего»⁵¹ поколений акторов.

Структура инновационного процесса, широко трактуемого как многоэтапное превращение новации в рутину, может быть раскрыта в соответствии с методологическим подходом О.В. Иншакова, обосновывающего взаимосвязь инновации, селекции и рутинизации в эволюции хозяйственных систем любого уровня⁵².

Инновация как процесс внедрения новых элементов (новаций) в процессы труда и индивидуального опытного производства сопровождается *селекцией* (социально-экономическим отбором эффективных нововведений) и *рутинизацией* – процессом массового производства новации и ее общественного признания в форме массового потребления, результаты которой (рутины) передаются от поколения к поколению хозяйственных субъектов в процессе *традиции*. Традиция как процесс и механизм передачи (наследования) рутин между поколениями, «отражая наследственность и мутации в эволюции хозяйства»⁵³, логично дополняет связку «инновация – селекция – рутинизация», раскрывающую «актуальный механизм функционирования хозяйства в краткосрочном периоде»⁵⁴. Новое поколение акторов неизбежно подвергает доставшиеся от предшественников рутины селекции.

Поскольку инновационные процессы, происходящие в рамках отдельной хозяйственной системы, между системами и между поколениями хозяйственных

субъектов, имеют определенную специфику, логика их реализации различается. Упрощенно она может быть представлена следующим образом:

I. Внутрисистемный инновационный процесс:

$$N \rightarrow Inn \rightarrow Sel \rightarrow Rtz \rightarrow R,$$

где N – новация;
 Inn – инновация;
 Sel – селекция;
 Rtz – рутинизация;
 R – рутина.

II. Межсистемный инновационный процесс:

$$R_i \rightarrow N_j \rightarrow Inn_j \rightarrow Sel_j \rightarrow Rtz_j \rightarrow R_j,$$

где i, j – взаимодействующие системы.

III. Межпоколенческий инновационный процесс:

$$R_x \rightarrow Trd \rightarrow Sel \rightarrow R_y,$$

где x, y – поколения;
 Trd – традиция.

Вряд ли уместно считать, что институция ближе к традиции и рутинизации, чем к инновации. Традиционными могут быть не только институции и институты, но и формы организации взаимодействий людей, способы передачи данных, техника и используемое сырье, в конечном итоге – сами люди.

Институциональный аспект инновационной деятельности, безусловно, очень важен и связан с ее слабой определенностью и кумулятивным характером, специфическими знаниями агентов и значительным потенциалом оппортунистического поведения, повышением сложности и усилением специализации в русле развития внутри- и межфирменного разделения труда⁵⁵, высокими издержками измерения многомерных качественных характеристик новаций и проблематичностью фиксации прав авторства на открытия и изобретения, а также влиянием неформальных ценностей и мотивов на процесс коммерциализации нововведений, ведь в условиях

глобализации «инновация становится интерактивным процессом, часто вовлекающим пользователей наряду с производителями»⁵⁶. Но и сами институции меняются под влиянием изменений других эндогенных производственных факторов или же, напротив, иницируя их изменения.

Институциональные инновации – процессы внедрения новых функций и видов деятельности, статусов и процедур, норм и правил в хозяйственную практику. Некоторые исследователи даже утверждают, что «исследование экономического развития в контексте институциональной парадигмы – это анализ инноваций институтов»⁵⁷, игнорируя значение их селекции и рутинизации. Другие вообще связывают креативные процессы в рыночном хозяйстве исключительно с формированием новых институций⁵⁸. Безусловно, эти подходы являются крайними, но отражают реальное значение институциональных нововведений для экономического развития.

И хотя обосновываемая отдельными учеными «диалектическая взаимосвязь институтов и экономического роста»⁵⁹ представляется необоснованной и очень надуманной, «создание и внедрение новых институтов может стать управляемым процессом»⁶⁰, что требует развития эффективных трансакционных («социальных») технологий инженерии экономических институций⁶¹. О высокой роли институциональных инноваций размышляет и В.М. Полтерович, приходя к выводу, что «реформа – это целенаправленное изменение некоторой совокупности институтов»⁶².

Конечно, недопустимо редуцировать реально широкий спектр вариантов институциональных инноваций к межсистемному переносу экономических институтов – их импорту, «трансплантации», «клонированию», копированию или заимствованию. Ведь институции, как и институты, возникают и развиваются как эндогенные элементы хозяйственных систем. Они могут быть восстановлены по образцам прошлого, как, например, Государственная дума и Государственный со-

вет, ассоциации предпринимателей и суды присяжных и др. в постсоветской России. Поэтому внимание отечественных ученых все больше привлекают выращивание институтов, их проектирование, «протезирование», конструирование, экспериментирование и т. д.⁶⁴ в русле целенаправленного институционального строительства.

Постепенно стало очевидным, что «институты являются системно-специфическими видами социального капитала, поэтому возможности их реаллокации или импорта ограничены»⁶⁵. Более того, «нельзя просто так перевезти отношения между людьми, существующую систему правил, обеспечивающую производственный процесс, поскольку она встроена в контекст того, что Д. Норт и Л. Дэвис называли институциональной средой»⁶⁶.

Перенести из одной системы хозяйства в другую институциональные (как и любые другие) факторы невозможно, переносятся же и размещаются на территории условия и ресурсы деятельности. Но «экспортированные» из более развитой страны в отстающую институциональные ресурсы могут и не перейти из потенциальной формы факторов в реальную, так и не став действующими силами хозяйствования на новом месте действия⁶⁷.

Поэтому опасным заблуждением надо признать распространенное у все еще многих современных ученых мнение о возможности импорта институций и институтов, функционирующих в более развитых «эталонных» странах, «в готовом виде». Увы, но это удастся далеко не всегда. Ведь чтобы «трансплантированные» институциональные ресурсы «заработали» в новом экономическом пространстве и стали факторами его развития, необходимо их соответствие сложившейся в нем комбинации условий, ресурсов и факторов хозяйствования.

Институции, как и другие транзакционные факторы, не просто «встроены в контекст» институциональной среды. Они формируют социально-полевую структуру экономических пространств, выступая базой их интеграции. Институ-

ции закрепляют «специфические общественные функции», институты их организуют, а информация конструктивно ограничивает пространство осуществления⁶⁸, кодируя коммуникации агентов⁶⁹. Поэтому нельзя разрывать институциональные, организационные и информационные факторы, так как они жестко взаимосвязаны. Как обосновывает У. Лацоник, «инновационный процесс является коллективным, поскольку трансформация технологических и рыночных условий требует интеграции большого количества людей со специализированными знаниями и навыками. Поэтому эти люди вовлекаются в кооперативное взаимодействие»⁷⁰, базирующееся на определенных нормах, правилах, контрактах, регламентах, стандартах, ценностях и др.

В действительности, не сами по себе институты импортируются, но трансплантируются участки транзакционной «ткани» экономики. Ведь «мы определяем инновацию как способность пересекать границы в широком смысле. Таким образом, при расширении потребности в инновационной составляющей роста возникает растущая потребность в пересечении границ различного рода, то есть рост взаимосвязей и взаимодействий. Все это требует расширения коммуникаций»⁷¹, то есть в целом оптимальной комбинации всех элементов транзакционных производительных сил.

Внедрение транзакционных новаций «на новом месте» обязательно приводит к кризису, масштаб которого зависит от масштабов самой новации. В этой связи нуждаются в специальном исследовании процессы инсталляции («оживления») новых транзакционных элементов экономики, их кризиса, адаптации и реабилитации, то есть в целом нарушения и восстановления их гомеостазиса в новом хозяйственном пространстве. Хотя в ходе селекции многие из них отсеиваются, рутинизация транзакционных нововведений ведет к стабилизации и неразрывно связана с восстановлением преемственности и повышением устойчивости развития хозяйственных систем. Все ощутимее становится

потребность в эффективных технологиях «прививки», «подкормки» (поддержки, в том числе за счет расширения монетарного диапазона) и «укоренения» (закрепления) экзогенных транзакционных ресурсов, а также мониторинга их превращения в действующие эндогенные факторы нового экономического пространства.

Итак, современным ученым необходимо пересмотреть свое отношение к институционализму. Без этого невозможно утверждение инновационного подхода как определяющего в модернизации общественно-политической и экономической сфер на региональном и общенациональном уровнях. Институциональный подход – важный, но отнюдь не главный в исследовании и проектировании механизмов инновационного развития экономики. В широком теоретическом русле эволюционной экономики на методологической базе экономической генетики должны быть переосмыслены инновация и рутинизация, селекция и аккумуляция, мутация и адаптация, традиция и консервация, модернизация и модификация, мультипликация, аппликация и репликация, а также другие механизмы эволюции хозяйственных систем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ <http://www.newsru.com/finance/19apr2007/ivanov.html>.

² Маевский В.И. Эволюционная теория и институты // Вестник Государственного университета управления. Серия «Институциональная экономика». 2005. № 1(2). С. 21.

³ Фазй Л., Рэнделл Р. Управление стратегией на уровне рынка. Курс MBA по стратегическому менеджменту. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. С. 52.

⁴ Траут Дж., Ривкин С. Сила простоты: руководство по успешным бизнес-стратегиям. СПб.: Питер, 2004. С. 155.

⁵ Зиман С. Креветки или успех: бессмысленные инновации или осмысленное обновление. М.: Эксмо, 2006. С. 13.

⁶ См.: Внешне-экономические проблемы перехода России на инновационный путь развития. М.: Наука, 2003. 525 с.; Движение регионов России к инновационной экономике. М.: Наука, 2006.

402 с.; Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX века). М.: РОССПЭН, 2007. 368 с.; Инновационные приоритеты государства. М.: Наука, 2005. 275 с.; Инновационная экономика. М.: Наука, 2004. 352 с.; Черных Е.А., Забродин А.Ю., Стасев В.В. Инновации в России. Иллюзии и реальность. Тула: Гриф и К, 2006. 330 с.; Инновационный путь развития для новой России. М.: Наука, 2005. 343 с.; Инновационный менеджмент в России. Вопросы стратегии управления и научно-технической безопасности. М.: Наука, 2004. 880 с.; Лирмян Р.А. Венчурное инвестирование в инновации. Мировой опыт и российская практика. М.: Научная книга, 2006. 138 с.; Скаленко А.К. Глобальные резервы роста: Информация + интеллект + инновации. М.: Интеллект, 2002. 428 с.; Гохберг Л., Кузнецова И. Инновационные процессы: тенденции и проблемы // Экономист. 2002. № 2. С. 50–59.

⁷ См.: Иншаков О.В. Единство рутины и новаций в контексте хозяйственной эволюции // Вестник Государственного университета управления. Серия «Институциональная экономика». 2005. № 1(2); Иншаков О.В., Степочкина Е.А. Рутинизация и новация: институциональный, организационный и эволюционный аспекты взаимодействия: Препринт #WR/2003/21. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. 60 с.; Лебедев А.С. Категориальная взаимосвязь рутины, новшества и инновации // Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований (КИСЭ-ПИ). 2005. № 1. С. 34–38.

⁸ См.: Друкер П.Ф. Бизнес и инновации. М.: Вильямс, 2007. 432 с.; Глазырин М.В. Инновационный социально-производственный комплекс. М.: Наука, 2006. 307 с.; Баркер А.А. Алхимия инноваций. М.: Вершина, 2003. 224 с.; Такер Р.Б. Инновации как формула роста. М.: Олимп-Бизнес, 2006. 240 с.; Дандон Э. Инновации: как определять тенденции и извлекать выгоды. М.: Вершина, 2006. 304 с.; Баранчев В.П. Маркетинг инноваций. Радикальные и «подрывные» инновации – хайтек-маркетинг: Учебник. М.: Благовест-В, 2007. 232 с.; Валдайцев С.В. Антикризисное управление на основе инноваций: Учебник. М.: Велби, 2007. 312 с.; Гурков И., Аврамова Е., Тубалов В. Инновационная деятельность российских промышленных предприятий // Вопросы экономики. 2001. № 7. С. 71–85; Кабадина В., Кларк С. Инновации на постсоветских промышленных предприятиях // Там же. С. 19–33; Гурков И., Аврамова Е., Тубалов В. Конкурентоспособность и инновационность российских промышленных предприятий // Там же. 2005. № 2. С. 40–52; Кадочников С.М., Есин П.В. Факторы продуктовых новаций в процессе рест-

руктуризации современных российских компаний (на примере компаний Уральского региона) // Российский журнал менеджмента. 2006. Т. 4. № 1. С. 29–54.

⁹ См.: Журавлева Н.Ю. Инновация как экономическая категория // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2006. Вып. 4. С. 140.

¹⁰ Лацоник У. Теория инновационного предприятия // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2006. Т. 4. № 3. С. 7.

¹¹ Иншаков О.В., Степочкина Е.А. Указ. соч. С. 4.

¹² Зиман С. Указ. соч. С. 12.

¹³ См.: Соловьев В.П. Инновационная деятельность как системный процесс в инновационной экономике (синергетические эффекты инновации). Киев: Феникс, 2004. 560 с.

¹⁴ См.: Иншаков О.В. Принцип простоты в методологии эволюционного подхода к исследованию хозяйственных систем // Встреча с простотой / Под ред. д-ра экон. наук О.В. Иншакова. Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2006.

¹⁵ Иншаков О.В., Степочкина Е.А. Указ. соч. С. 3.

¹⁶ Там же. С. 14.

¹⁷ Там же. С. 7.

¹⁸ Там же. С. 3.

¹⁹ Там же. С. 7.

²⁰ Там же. С. 4.

²¹ Там же. С. 12.

²² Там же. С. 11.

²³ Там же.

²⁴ См., например: Дынкин А.А., Грачев М.В., Иванова Н.И. Инновационная экономика. М.: Наука, 2001. 294 с.; Краснов А.Г. Теория инновационной экономики. Чебоксары, 2001. 292 с.

²⁵ См.: Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж. Эволюционная теория экономических изменений. М.: Дело, 2002. С. 142–188.

²⁶ Иншаков О.В., Степочкина Е.А. Указ. соч. С. 27.

²⁷ Там же. С. 11.

²⁸ Там же. С. 11–12.

²⁹ Там же. С. 3.

³⁰ См.: Иншаков О.В. Введение // Иншаков О.В., Фролов Д.П. Институционализм в российской экономической мысли (IX–XXI вв.): В 2 т. Т. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. С. 23–27.

³¹ Иншаков О.В., Степочкина Е.А. Указ. соч. С. 9.

³² Там же. С. 15.

³³ См.: Яковец Ю.В. Эпохальные инновации XXI века. М.: ЗАО «Издательство “Экономика”», 2004. С. 3.

³⁴ Иншаков О.В., Степочкина Е.А. Указ. соч. С. 5.

³⁵ См.: Иншаков О.В. Эволюционная экономика и экономическая генетика // Эволюционная теория, инновации и экономические изменения: VI Международный симпозиум по эволюционной экономике (г. Пущино, 23–24 сентября 2005 г.). М., 2005. С. 45–58.

³⁶ См., например: Bertsek I. Product and process innovation as a response to increasing imports and foreign direct investment // J. of Industrial Economics. 1995. Vol. 43. № 4. P. 341–357.

³⁷ См., например: Золотарев В.С., Алифанова Е.Н. Влияние институциональных инноваций на качественные характеристики и направления развития российского фондового рынка // Финансовые исследования. 2006. № 12. С. 3–11; Иншаков О.В., Мосейко В.О. Институциональные аспекты инновационного посредничества // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3, Экономика. Экология. 2005. Вып. 9; Матвеев К.Ю. Развитие институциональной системы рынка инновационно-инвестиционных ресурсов в России // Экономические науки. 2005. № 1 (10). С. 25–38; Киреев А.В. Лизинговый метод финансирования реальных инвестиций (инновационный аспект) // Экономическая теория: истоки и перспективы. М.: Экономический факультет МГУ: ТЕИС, 2006. С. 809–817.

³⁸ См.: Сыров М.В., Бухонова С.В. Возможности применения теории транзакционных издержек в управлении инновационной деятельностью // Российское предпринимательство. 2006. № 7; Сыров М.В. Оптимизация транзакционных издержек инновационного процесса: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2006. 25 с.

³⁹ Shnabl H. Agenda-diffusion and innovation: A simulation model // J. of Evolutionary Economics. 1991. Vol. 1. № 1. P. 66.

⁴⁰ Clark P. Anglo-American innovation. Berlin; N. Y.: de Gruyter, 1987. P. 169.

⁴¹ См.: Иншаков О.В., Фролов Д.П. Институционализм в российской экономической мысли (IX–XXI вв.): В 2 т. Т. 2. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. С. 245–450; Иншаков О.В., Фролов Д.П. Институционализм и постмодернизм в экономической науке современной России // Вестник университета «Туран» (Алматы). 2004. № 3–4.

⁴² Березовская М. Инновационный аспект экономического развития // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 62.

⁴³ Кузнец С. Современный экономический рост: результаты исследований и размышления // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: В 5 т. / Сопред. науч.-ред. совета Г.Г. Фетисов, А.Г. Худокормов. Т. V. В 2 кн. Все-

мильное признание: Лекции нобелевских лауреатов / Отв. ред. Г.Г. Фетисов. Кн. 1. М.: Мысль, 2004. С. 115.

⁴⁴ Фуруботн Э.Г., Рихтер Р. Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории. СПб.: Издат. дом СПбГУ, 2005. С. 10.

⁴⁵ См.: Иншаков О.В. Простые основания сложных экономических систем // Труды II Всероссийского симпозиума по экономической теории: В 2 т. Т. I. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2006. С. 51–54.

⁴⁶ См.: Иншаков О.В. Homo institutus – субъект социально освященного действия // Homo institutus – Человек институциональный / Под ред. д-ра экон. наук О.В. Иншакова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. С. 59–87.

⁴⁷ Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2002. С. 335.

⁴⁸ См.: Иншаков О.В., Фролов Д.П. Место институционализма в экономической науке // Экономист. 2005. № 10.

⁴⁹ Цит. по: Уинтер С. Естественный отбор и эволюция // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена / Науч. ред. чл.-кор. РАН В.С. Автономов. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 612.

⁵⁰ Иншаков О.В., Степочкина Е.А. Указ. соч. С. 27.

⁵¹ Там же. С. 28.

⁵² См., например: Иншаков О.В. Потенциал эволюционного подхода в экономической науке современной России // Экономическая наука современной России. 2004. № 4.

⁵³ Иншаков О.В., Степочкина Е.А. Указ. соч. С. 29.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ См. также: Dosi G., Egidi M. Substantive and procedural uncertainty // J. of Evolutionary Economics. 1991. № 1. Р. 164.

⁵⁶ Carlsson B., Stankiewicz R. On the nature, function and composition of technological systems // J. of Evolutionary Economics. 1991. Vol. 1. № 2. Р. 98.

⁵⁷ Золотарев В.С., Алифанова Е.Н. Указ. соч. С. 3.

⁵⁸ См.: Lesourne J. From market dynamics to evolutionary economics // J. of Evolutionary Economics. 1991. Vol. 1. № 1. Р. 26.

⁵⁹ Матвеев К.Ю. Указ. соч. С. 25.

⁶⁰ Бренделева Е.А. Институциональные технологии и транзакционные издержки // Экономическая теория: истоки и перспективы. М.:

Экономический факультет МГУ: ТЕИС, 2006. С. 683.

⁶¹ См.: Nelson R.R. Bringing institutions into evolutionary growth theory // J. of Evolutionary Economics. 2002. Vol. 12. № 1–2. Р. 22.

⁶² См.: Shiller R.J. Behavioral Economics and Institutional Innovation. Yale ICF Working Paper № 04–50; Cowles Foundation Discussion Paper № 1499. January 2005. Р. 3.

⁶³ Полтерович В.М. Стратегии институциональных реформ. Перспективные траектории // Экономика и математические методы. 2006. Т. 42. № 1. С. 3–18. С. 6.

⁶⁴ См.: Полтерович В.М. Указ. соч. С. 6–11; Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004. С. 216–222; Институты: от заимствования к выращиванию. Опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений / Я.И. Кузьминов, В.В. Радаев, А.А. Яковлев, Е.Г. Ясин // Модернизация экономики и выращивание институтов: В 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред. Е.Г. Ясин. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 7–64.

⁶⁵ Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Экономический факультет МГУ: ТЕИС, 2002. С. 120.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ См. также: Иншаков О.В., Фролов Д.П. Экономическое пространство и пространственная экономика. Размышление над новым экономическим журналом // Экономическая наука современной России. 2005. № 4.

⁶⁸ См.: Белобородько А.М., Иншаков О.В., Фролов Д.П. Биржа как социально-экономический институт. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. С. 30–31.

⁶⁹ См.: Фролов Д.П., Золотарев А.В. Код фирмы: экономико-семиотический анализ // Известия Волгоградского государственного технического университета: Межвуз. сб. науч. ст. Вып. 2. Волгоград, 2005. С. 57–62. (Серия «Актуальные проблемы реформирования российской экономики»).

⁷⁰ Лацоник У. Указ. соч. С. 23.

⁷¹ Бородин А.Ю. Инновационный процесс: анализ в рамках информационной теории экономики // Информационная экономика и динамика переходных процессов: Сб. науч. тр. / Под ред. Е.Ю. Иванова, Р.М. Нижегородцева. М.: Барнаул: Изд-во «Бизнес-Юнитек», 2003. 300 с. Режим доступа: <http://ec.asu.ru/lib/sborn/infec2003/pdf/11.pdf>. С. 10.